

УДК 902

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

БОБОРЫКИНСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ БАРАБЫ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследуется комплекс боборыкинской культуры развитого неолита Автодром 2/2, расположенный на северо-западе Барабинской лесостепи. Поставлена проблема интерпретации комплекса в контексте реконструкции древних историко-культурных процессов. В гипотетическом ракурсе рассмотрены важнейшие аспекты исторической ситуации, имевшей место в раннем голоцене Западной Сибири и выраженной в характере археологических источников. Сделан вывод о неоднозначности процессов культурогенеза и межкультурного взаимодействия в западносибирском неолите, включающих варианты устойчивого автохтонного развития, пограничного взаимопроникновения, массовых и локальных миграций. Ключевые слова: неолит, боборыкинская культура, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь, историческая реконструкция.

Одним из наиболее изученных неолитических поселений Западной Сибири является памятник Автодром 2, расположенный на северо-западе Барабинской лесостепи. В настоящее время это крупнейший поселенческий памятник в лесостепной зоне Западной Сибири, содержащий остатки более 50 жилищ и значительный комплекс орудий и посуды неолитической эпохи [1]. Планомерные исследования 1998–2012 гг., проводимые на этом памятнике коллективом Института экологии человека СО РАН в сотрудничестве со специалистами ИАЭТ СО РАН, позволили сформировать представительную базу источников по традициям домостроительства, керамического и каменного производства, функциональной планиграфии неолитических объектов [2, 3 и др.]. Важным обстоятельством является наличие на памятнике двух неолитических поселков, связанных с планиграфическими группами жилищ, представляющих боборыкинскую культуру развитого неолита и артынскую позднеолитическую культуру. Многолетние стратиграфические наблюдения и данные термолюминесцентного датирования удостоверяют более ранний возраст боборыкинских древностей, позволяя датировать их первой половиной V тыс. до н.э. [4].

Боборыкинский комплекс, получивший дополнительное обозначение Автодром 2/2, представлен жилищами и относительно большим количеством предметов из камня и керамики. Сравнительный анализ жилищных конструкций, морфологии и орнамента керамической посуды, технико-морфологических характеристик каменного инвентаря убедительно доказывает идентичность памятника боборыкинским поселениям Тоболо-Ишимья [5]. Сходство проявляется даже в наличии таких специфичных категорий инвентаря, как орнаментированные керамические «утюжки» [6, 7,

8]. В таком случае справедлива постановка вопроса об исторической «подоплеке» возникновения в Барабе крупного боборыкинского поселка. Какие факторы являются определяющими в появлении данного феномена? Является ли он «историческим казусом» или отражает определенные исторические закономерности, характерные для эпохи в целом? Для ответа на данный вопрос необходимо вновь рассмотреть в гипотетическом ракурсе основные взаимосвязанные аспекты исторических особенностей освоения Западной Сибири в эпоху раннего голоцена [9].

Первый аспект – природные ресурсы, сырье для каменной индустрии и пища. Качественное каменное сырье сконцентрировано по периферии Западно-Сибирской низменности – на Урале и Казахстанском мелкосопочнике, а также на Алтае и в Кузнецко-Салаирской горной области. Таким образом, по мере продвижения в центральные районы Западной Сибири и на север человек утрачивал прямой доступ к сырьевой базе, сталкиваясь с необходимостью либо её замещения местными, менее качественными, ресурсами, либо реализуя транзитный и экспедиционный варианты поставки сырья [9. С. 116]. Стабильность запасов пищи в условиях развитого присваивающего хозяйства определяет не только скудость или изобилие животного мира, но и стратегия охотничье-рыболовецкого хозяйства, связанная в том числе с совершенствованием орудий и способов промысла. По всей видимости, районы тайги, лесотундры и тундры не уступали в этом отношении лесостепной зоне, а, может, даже превосходили, создавая благоприятные условия для устойчивого общественного развития [9. С. 115]. На современном уровне знаний можно говорить о равных пропорциях в распределении неолитических памят-

ников в лесостепной и лесной зонах Западной Сибири, что заставляет отказаться от их качественной дифференциации на «прогрессивную» лесостепь и «отсталую» тайгу. Второй аспект – демографическая ситуация в неолите Западной Сибири. Возросшие в результате технологических новаций адаптивные способности человека привели как к повышению эффективности добычи средств существования, так и к увеличению численности населения, заставляя искать баланс с ресурсным обеспечением. Объективная необходимость данного баланса, по всей видимости, выступала главной причиной миграционных перемещений.

Таким образом, в Среднем Зауралье и западной части Тоболо-Ишимья, представляющих собой регион с достаточно сбалансированной ресурсной базой, имелись оптимальные условия для существования неолитических сообществ с развитым присваивающим хозяйством. Возможно, постепенное повышение плотности населения вызывало дисбаланс в ресурсном обеспечении, когда при достаточности каменного сырья наступала недостаточность пищевых ресурсов, заставляя осваивать сопредельные территории. В этом случае данный регион можно рассматривать в качестве одного из «импульсных ядер» древних миграций. Один из таких импульсов, пришедший на период развитого неолита, связан с долговременным существованием боборыкинской культуры. В каком направлении были направлены основные миграции боборыкинского населения из Зауралья? Вероятно, следует исключить западное направление, и не только из-за естественной преграды в виде Уральского хребта. Отдаленную типологическую близость боборыкинским материалам демонстрируют елшанские и каиршакские комплексы Среднего и Нижнего Поволжья [12]. Однако специалисты рассматривают данный факт в русле гипотезы о южном импульсе из единого эпицентра и последующем конвергентном развитии культур по обе стороны Урала [12. С. 320; 14. С. 11].

Отдельная дискуссия сформирована проблемой керамических типов, выделенных на севере Западной Сибири – басыановского, сатыгинского. Некоторые авторы признают их родство с комплексами боборыкинской культуры в качестве «одной из основ ее формирования» [14] либо, напротив, поздних отголосков [15]. Правомочность выделения басыановского типа, в отличие от сатыгинского, признается В.Т. Ковалевой в форме локального варианта культуры [10].

Наконец, восточное направление, связанное с постепенным освоением всей территории Тоболо-Ишимья и проникновением боборыкинцев до северо-западных районов Барабинской лесостепи [5]. От основного ядра культуры боборыкинский поселок Автодром 2/2 отдален почти на полтысячи километров к востоку, образуя при этом локацию, типологически изолированную среди остальных неолитических памятников Среднего Прииртышья и Барабы. Для характеристики этого феномена правомерным будет использование термина «эксклав» (рис. 1). Важен тот факт, что к приходу боборыкинцев (первая половина V тыс. до н.э.) территории Барабы и Среднего Прииртышья были полностью освоены носителями местной культурной традиции, выраженной в упрощенной отступающе-накольчатой орнаментации остродонной посуды [16, 17, 18, 19]. Данное обстоятельство позволило авторам настоящей статьи говорить о двух линиях развития в неолите региона, одна из которых связана с автохтонной традицией (кокуйско-артынская), а вторая – с миграцией неолитического населения из Зауралья (боборыкинская) [20].

Характер взаимоотношений боборыкинцев и местного населения Барабы достоверно неясен, но необходимо отметить некоторые нюансы. Первое – Автодром 2/2 является крупнейшим из известных боборыкинских поселений. Как показывает обзор литературы, на боборыкинских памятниках Зауралья и Тоболо-Ишимья фиксируется от трех до восьми жилищ, наибольшее количество жилищ (восемь) характеризует поселение ЮАО IX [21]. На Автодроме 2/2 пока исследовано 12 жилищ, но, судя по планиграфическому скоплению западин, на этом локализованном участке памятника можно предполагать наличие около 30 построек. Даже если допустить разновременность создания и функционирования конструкций, а также их функциональную дифференциацию на жилые и подсобные сооружения, все равно вырисовывается картина концентрации населения в одном месте. Это тем более странно, что в целом большинство изученных неолитических поселений Западной Сибири имеют «хуторской» характер, наиболее рациональный при рассмотренном выше варианте природопользования [обзор см.: 9. С. 115]. Второе – материальная культура обитателей Автодрома 2/2 демонстрирует настолько «чистый» боборыкинский облик, что не позволяет даже ставить вопрос о взаимодействии с носителями кокуйско-артынской традиции на уровне технологических или орнаментально-декоративных заимствований.

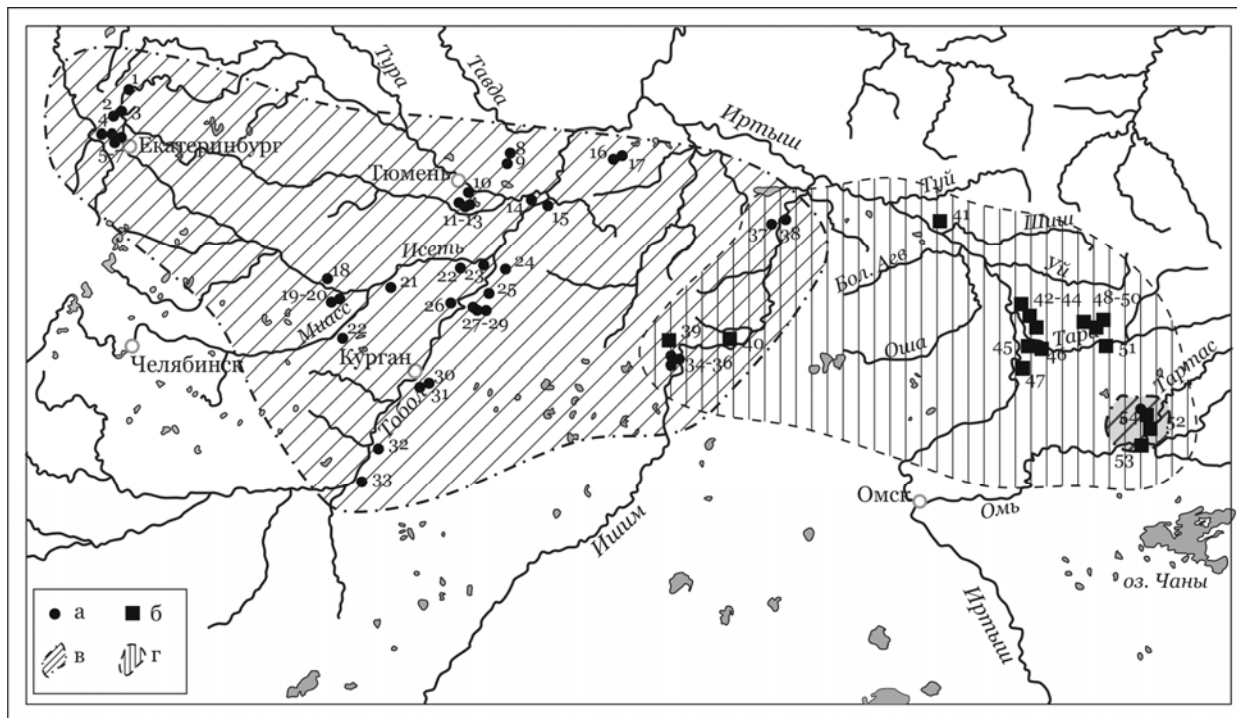

Рис. 1. Памятники неолита на территории лесостепного и южнотаежного Ишимо-Иртышья: а – памятники боборыкинской культуры и их ареал (в); б – памятники «отступающе-накольчатой» традиции позднего неолита Среднего Прииртышья и Барабы и их ареал (г): 1 – Шайдурихинское V; 2 – Шитовский Исток XI; 3 – Бараний Мыс; 4 – Палатки I; 5 – Калмацкий Брод; 6 – Макуша III; 7 – Исетское Правобережное; 8 – Байрык IД; 9 – Байрык VI; 10–13 – ЮАО V, IX, XVIII («8-й пункт») и др.; 14 – Чечкино 2; 15 – Юртобор 3; 16–17 – Юргаркуль III, IV; 18 – Боборыкино II; 19–20 – Ташково I, III; 21 – Бархатовское; 22 – Ботниковское; 23 – Двухозерное I; 24 – Ук VI; 25 – Ново-Шадрино I; 26 – Губинское; 27 – Вороний Мыс I; 28–29 – Усть-Сурская 2, 4; 30 – Пикушка I; 31 – Лисья гора; 32 – Гляденовская; 33 – Дюна; 34–36 – Мерген 3, 5, 6; 37 – Серебрянка 1; 38 – Боровлянка 2; 39 – Пахомовская Пристань III; 40 – Кокуй I; 41 – Бичили I; 42–44 – Усть-Тара IV, XXVIII, XXXIII; 45 – Танатово II, V; 46 – Бергамак XXIV; 47 – Артын; 48–49 – Нижняя Тунуска I, II; 50 – Льнозавод I; 51 – Протока; 52 – Венгерово 3; 53 – Сопка 2; 54 – Автодром 2

Можно предположить, что мы имеем дело с крупной аллохтонной группой, более или менее длительное существование которой связано с «автономной изоляцией» в инокультурном окружении. В рамках такой стратегии боборыкинское население Барабы полностью воспроизводило типичные для основного ядра культуры традиции в домостроительстве, каменном и керамическом производстве. Следует сказать, что характер каменной индустрии боборыкинцев давал возможности и длительной сырьевой автономии. Пластинчатый, и даже микропластинчатый характер каменного производства, свойственный культуре в целом и археологически зафиксированный на боборыкинском поселке Автодром 2/2, предполагает относительно экономное расходование сырья, в данном случае генетически связанного с Центральным Казахстаном (определение Н.А. Кулик). На поселении в очень небольшом количестве найдены продукты первичного расщепления при наличии призматических нуклеусов, что говорит о приносе, а возможно, и аккумуляции последних уже в готовом к использованию виде.

Насколько долго в историческом плане существовала такая ситуация, и какие исторические последствия она имела? На современном уровне знаний ответы на этот вопрос могут быть даны только в рамках рабочих гипотез. Нельзя исключить сценарий полной ассимиляции или даже ликвидации боборыкинского эксклава, так как устойчивость автохтонной кокуйско-артынской линии развития подтверждается целым рядом поселенческих и погребальных памятников V – начала IV тыс. до н.э. [22, 17, 23, 24]. Возможно, дальнейшие исследования дадут археологические свидетельства взаимодействия местных и боборыкинских культурных традиций, удостоверяющие важность боборыкинского влияния на процессы культурогенеза на территории Барабы в конце развитого – начале позднего неолита. Либо, если будут обнаружены другие «чистые» боборыкинские комплексы, получит новые подтверждения гипотеза о параллельном существовании двух культурных традиций. Примечательно, что взаимопроникновение ареалов боборыкинских и отступающе-накольчато-гребенчатых комплексов, зафик-

сированное в восточных районах Ишимья, пока не имеет однозначного объяснения и трактуется специалистами как в русле культурного взаимодействия [11. С. 147–149], так и в рамках их хронологически последовательного, независимого бытования [10].

Суммируя сказанное, можно еще раз подчеркнуть многофакторность процессов освоения центральных районов Западной Сибири в неолите, где ключевым являлся баланс демографической ситуации и ресурсной базы. Нарушения этого баланса, выраженные в перенаселении территорий, становились одной из важнейших причин миграций, превращаясь в фактор культурогенеза. Подобные перемещения неолитического населения чаще имели характер мозаичного проживания популяций на стыке ареалов, но могли принимать формы локальных и масштабных миграций. Примером последних в западносибирском неолите является перемещение в начале V тыс. до н.э. из Прибайкалья в Верхнее Приобье серовских групп, послуживших субстратом формирования кузнецко-алтайской неолитической культуры [25].

В.И. Молодин, рассматривая историко-культурные, палеоантропологические и археогенетические процессы в Барабинской лесостепи в эпоху бронзы, отмечает устойчивое существование местного автохтонного культурного и антропологического типа на протяжении неолита – развитой бронзы, вплоть до начала экспансии андроновцев-федоровцев [26]. Анализируя специфику федоровской миграции, автор обращается к классификации М. Звелебила, определяя данную миграцию как «Demic diffusion» – последовательную колонизацию региона малыми группами и домохозяйствами [26. С. 98]. Согласно этой же схеме [27], проникновение боборыкинского населения, вероятно, следует определить как «Leapfrog colonization» – «перепрыгивающую», выборочную колонизацию региона малыми группами, нацеленными на поиск оптимальных зон и образующих поселения-анклавы (применительно к изначальному ядру – эксклавы. – В.Б., А.М.) среди местного населения.

Все это еще раз подтверждает тот вывод, что неоднозначность историко-культурных процессов в лесостепи Барабы, которую обозначил В.И. Молодин для эпох ранней и доандроновской бронзы, возникает с неолитического времени [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Жаронкин В.Н., Кривоногов С.К. Поселение Автодром 2 – к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. I. С. 423–427.
2. Бобров В.В., Марочкин А.Г. Комплекс позднего неолита на поселении Автодром 2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 15–20.
3. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования 2010 года на поселении Автодром 2 в Барабинской лесостепи (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 9–14.
4. Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 14–19.
5. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 4–13.
6. Усачева И.В. К вопросу о культурозависимых признаках у «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 4–11.
7. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 269–273.
8. Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Новые материалы боборыкинской культуры в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2012. Т. 18. С. 19–24.
9. Бобров В.В. Некоторые аспекты исторических особенностей освоения Западной Сибири в эпоху раннего голоцена и палеометалла // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, № 3. С. 113–118.
10. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. 308 с.
11. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
12. Выборнов А.А. Неолит степного – лесостепного Поволжья и Прикамья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2009. 44 с.
13. Волков Е.Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 10–12.
14. Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 151–161.
15. Хлобыстин Л.П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS (Археологические изыскания). СПб., 1993. Вып. 10. С. 29–37.
16. Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КеМГУ, 1985. С. 3–17.
17. Молодин В.И. Памятник Сопка 2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: Изд-во ИАТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

18. Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.Г. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–51.
19. Косинская Л.Л. Поздненеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Вопросы археологии Урала. Вып. 16. Свердловск, 1982. С. 18–27.
20. Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. С. 63–73.
21. Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (9 участок) // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 15–32.
22. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука, 1977. 174 с.
23. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск: Наука, 1989. 101 с.
24. Иващенко С.Н., Толтеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Исторический ежегодник. 2005. Омск: ОмГУ, 2006. С. 83–91.
25. Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 11–21.
26. Корякова Л.Н., Молодин В.И. Изучение культурной изменчивости в археологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 3. С. 82–102.
27. Zvelebil M. The Social Context of the Agricultural Transition in Europe // Archaeogenetics: DNA and the Population Prehistory of Europe. Cambridge: McDonald institute, 2000. P. 57–80.